

ментированные оригинальными рукописными отечественными и зарубежными материалами, картами, оставшимися неизвестными в научном мире. Думается, с его монографией с большой пользой для себя будут знакомиться не только специалисты-географы, картографы, но и историки, этнографы, все любознательные читатели, интересующиеся судьбами Русской Америки.

Примечание

¹ Чистяков Е.В. Русские страницы Америки. М., 1993. С. 7.

Н.Ф. Мокшин

© 2001 г., ЭО, № 5

Д.Дж. Андерсон. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. X, 248 с.

В последние годы в Сибири все чаще можно встретить зарубежных исследователей – культурных/социальных антропологов из Великобритании, США, Канады, Японии и других стран. Это люди со сформировавшимся интеллектуальным «багажом», традициями своей культуры, использующие для изучения «наших» северных народов другие методологию и методики работы. Статьи и книги, написанные этими авторами по сибирским материалам, как правило, издаются на английском языке¹. Канадец Д.Дж. Андерсон, работающий сейчас в Великобритании, стал **первым иностранным ученым, опубликовавшим свою диссертацию на русском языке**, что чрезвычайно приятно отметить в данной рецензии. Он сделал максимально доступными результаты своих исследований, в чем мы видим его открытость и уважение к своим информаторам, к коллегам, пишущим по-русски, наконец, к России – стране, в которой он проводил свои полевые исследования. Переработанный вариант диссертации на английском языке был издан позднее². Выход в свет книги Д.Дж. Андерсона стал заметным событием в научной жизни: работа привлекла к себе внимание специалистов и вызвала их неоднозначные оценки³. Она открывает путь к назревшему диалогу российских и зарубежных ученых-антропологов и этнографов относительно методологии, методики и этики научных исследований на территории Сибири, и с этой точки зрения ее появление трудно переоценить.

Издание книги в Новосибирске «приблизило» ее к Сибири. Внешне она ничем не отличается от недорогих постсоветских изданий – публикаций российских этнографов: скромное полиграфическое исполнение (листы при многократном перечитывании рассыпаются), относительно небольшой тираж (700 экз.). Однако методология работы и сами подходы новы и непривычны для российского читателя, поскольку автор – представитель британской школы социальной антропологии.

Цель работы – ответ на вопрос: «Кто такие таймырские эвенки?» – на примере исследования населения пос. Хантайское озеро. Хантайские эвенки не представляют собой особого народа, как это можно иногда понять из перевода; это самая северо-западная группа эвенков, своеобразие которой – результат историко-культурных связей с соседними народами – якутами, энцами, русскими, долганами. Культурные особенности народов Таймыра не интересуют автора вне связи с анализом гражданского самосознания и политических процессов. Используя многозначный термин «принадлежность» (belonging), Д.Дж. Андерсон следует за рядом зарубежных антропологов, стремившихся к преодолению разрыва между описательной и структуралистской традициями в анализе общественных процессов (с. 50). Он исследует «принадлежности» к национальности, территории и коллективу как основным составляющим в формировании самосознания местных эвенков.

Д.Дж. Андерсон заинтересовался ситуацией с самосознанием хантайских эвенков, живущих в административных границах Долгано-Ненецкого автономного округа, поскольку она, по его мнению, уникальна для Сибири (с. 8). Присмотревшись внимательнее к этнографической карте Сибири, можно заметить, что подобная ситуация стала довольно обычной после проведения советского национально-административного устройства: кеты Подкаменной Тунгуски, не имея своего национального образования, живут на территории Эвенкийского автономного округа; ительмены и эвены живут на территории Корякского автономного округа; юагиры, чукчи – в Республике Саха (Якутия); эвенки – в Бурятии и т.д. Вряд ли стоит упрекать

автора за гиперболический прием, который призван подчеркнуть «забытость» региона его исследований «профессиональными этнографами»⁴, тем более что в основном это утверждение не расходится с действительностью. Не меньший интерес вызвала «закрытость» региона до 1991 г., в том числе из-за деятельности Норильского горно-металлургического комбината.

В основе книги лежат полевые, архивные и литературные материалы. Д.Дж. Андерсон в соответствии с традицией западной антропологии стационарно работал в России в течение одного года и четырех месяцев, из них девять месяцев – на севере Западной Сибири, совмещая профессии антрополога и ученика пастуха в первой оленеводческой бригаде совхоза «Хантайский». Его полевая работа пришлась на время ухудшения социально-экономического положения в России, развала бывших макроэкономических связей и возникновения националистической риторики среди населяющих ее народов, что наложило отпечаток на характер собранных полевых материалов.

В ткань повествования органично вплетены выдержки из полевых дневников автора. Он делится своим трудным опытом пастуха-олeneвода, попутно давая интересные и неожиданные характеристики эвенкийской педагогики и психологии, которые смог испытать на себе, знакомясь с местностью и традициями (с. 44–45, 128–130, 135). Более полугода Д.Дж. Андерсон провел в архивах Дудинки, Красноярска, Новосибирска, С.-Петербурга и Москвы, отыскав и введя в научный оборот исключительно ценные архивные материалы периода социалистического строительства на Таймыре. Автор хорошо знаком с русскоязычной литературой по этому региону.

Ключевые понятия книги – «коллектив», «территория», «национальность» – возникли из реалий советских общественных институтов (с. 218). По его книге можно судить, насколько западным авторам удается понять и представить политическую систему и административную структуру России.

Вместе с исследователем мы постепенно «погружаемся» в повседневную жизнь таймырских эвенков и долган. В первой, вводной главе от обоснования выбора объекта и места исследования автор переходит к описанию Таймырского автономного округа, затем ограничивает внимание долиной Нижнего Енисея, затем – пос. Хантайское озеро. История последнего типична для большинства северных поселков России, которые были сформированы в результате принудительных переселений советского времени в рамках сначала политики перевода кочевых народов на оседлый образ жизни, затем всесоюзной политики укрупнения. В 1969 г. в этот поселок из фактории Камень были переселены долганы, эвенки и представители других народов – в основном охотники и оленеводы. К 1992 г., по данным автора, в Хантайском озере жили 536 чел., из них 41% эвенков и 44% долган, остальные – русские, якуты и представители других национальностей.

В специальном разделе автор книги переключает фокус внимания на совхоз Хантайский и на первую оленеводческую бригаду. Хороший стиль, полемичность некоторых положений поддерживают неослабевающий интерес к тексту книги.

Глава 2 «Три типа "принадлежности" в Хантайском озере» посвящена рассмотрению «принадлежностей» к национальности, территории и коллективу и представляет собой теоретическое обоснование подхода автора к описанию и пониманию явления национализма. И здесь появляется термин «национализм», под которым автор понимает «...солидарность с представителями своей национальности, вызванную практическими соображениями» (с. 52). Значение термина в английском языке не совпадает с привычным нам термином «национализм» с его негативным оттенком как «состояния разбалансированности сообщества» (с. 61) или даже как синоним «национальной вражды» (с. 48).

В соответствии с подходами западных антропологов (таких, как известный ученый-теоретик, исследователь феномена национализма Э. Геллнер) автор утверждает, что коллективная идентичность придумана и, следовательно, национальное возрождение становится синонимом национальной инфляции (с. 119). Он считает, что национальная идентичность, национальное чувство были созданы этнографами (с. 214), проявившими конструктивистский подход к пониманию этничности. Национальность рассматривается как «результат произвола государственных чиновников» (с. 49), «жесткого администрирования» (с. 50).

Д.Дж. Андерсон, безусловно, прав относительно возможностей государства в конструировании этнической идентичности. Говоря о народах Севера России, можно привести как наиболее яркий пример ительменов и камчадалов. В 1927 г. было искусственно восстановлено название народа «ительмены», а камчадалы до 2000 г. не были включены в список многочисленных народов Севера. С тех пор их развитие идет до определенной степени самостоятельным путем⁵.

Национальное чувство – тонкая и сложная реальность, которой можно манипулировать, особенно в периоды социально-экономических кризисов и нестроений. Манипуляции возможны со стороны не только

государства и «официальной этнографии», но и самих национальных лидеров и рядовых граждан – получается эффект бумеранга, который автор талантливо проанализировал в своей книге. У людей, имеющих смешанное происхождение и живущих в полиэтничной среде, при этом понимающих, что по каким-то (порой непонятым для них) причинам этническая принадлежность играет важную роль, возникает возможность «играть» на этом. «До первой четверти XX в. местный житель, отвечая на вопрос о своей этнической принадлежности, вынужден был задумываться: с какой целью его об этом спрашивают? Кто? Какие последствия может принести тот или иной его ответ? Сулят ли ему какие-то экономические выгоды при этом, когда он называл себя якутом, тунгусом (долганом), русским или, наоборот, не ущемят ли его права, не усложнят ли ему при этом и без того нелегкую жизнь? Часто в зависимости от этого он и называл свою национальность»⁶. Поскольку в настоящее время «малочисленные народы Севера» имеют официальные льготы, местные жители, в основном представители интеллигенции, сами проявляют активность в представлении своего этнического коллективного «я».

Трудно избавиться от ощущения, что автор преувеличивает роль государства в регламентации жизни народов Севера, особенно в дореволюционные годы, да и сам он пишет, что эвенки могли «прекрасно ускользнуть» от «недремлющего ока государства» (с. 152).

В главе 3 автор обосновывает свое понимание национализма примером эвенков и долган. В значительной мере она посвящена критике методологических подходов советской этнографии, в частности североведения (особенно раздел «Малочисленные народы и официальная этнография»). Фактически поставлен вопрос об этике научных исследований. Д.Дж. Андерсон критически оценивает процесс научного творчества советских этнографов – Б.О. Долгих, А.А. Попова и других ученых, их роль в осуществлении советской национальной политики и формировании долган как особого народа. Подобный анализ можно было бы только приветствовать, если бы при этом учитывались те конкретно-исторические условия, в которых приходилось работать советским ученым. Заниматься любимой наукой, писать книги и статьи и при этом не лишиться жизни, не попасть в тюрьму или лагеря – было нелегкой задачей. Тот же Б.О. Долгих три года провел в ссылке на Лене, а сколько еще советских ученых было репрессировано!⁷ И тем не менее, несмотря ни на что, ученые стремились к объективным оценкам. Например, И.С. Гурвич в отчете 1952 г. о результатах работ экспедиции в бассейне р. Индигирка отмечал: «...большинство населения не различает эвенков и юкагиров, так как нет критерия для отнесения тех или иных семей к юкагирам или эвенкам ... У населения не выработалось четкого национального самосознания»⁸.

В отечественной науке процесс формирования долган рассматривается в контексте традиционной тематики этногенеза и этнической истории как результат этнических контактов трех основных «составляющих» долганского этноса – эвенков, якутов и русских – на протяжении более трех столетий. Сильная сторона этих исследований по сравнению с зарубежными заключается в их историзме, привлечении данных других смежных наук. В то же время гораздо меньшее внимание уделяется современным особенностям формирования национальности, иначе говоря, субъективному фактору, роли государства⁹.

Многообразие, многослойность и многовекторность идентичностей позволили государственным чиновникам, ссылаясь на этнографов, акцентировать именно эту национальность в нужное время и в нужном месте. В таком контексте утверждение автора, что национальная вражда (мы бы сказали межэтническая напряженность. – А.С., С.С.), которая в скрытой форме существует в поселке, вызвана политикой советского государства, верно, но не абсолютно.

Если рассматривать политику Российского и Советского государства в отношении северных народов с точки зрения преемственности, то можно увидеть и другие факты. С присоединением Сибири к Российскому государству в Западной Сибири прекратились военные столкновения между самодийцами и уграми, на Северо-Востоке – между эвенками и коряками, чукчами¹⁰. Элементы межэтнической напряженности между эвенками и якутами возникли не вчера: они отмечены многими нашими предшественниками (правда, не имевшими специальной этнографической подготовки), которые говорили о различиях в национальном характере, образе жизни и пр.¹¹ Один из факторов такой напряженности заключается, в частности, в особенностях традиционного природопользования и социально-экономических условиях: «...якуты постепенно захватывают одно тунгусское угодье за другим, оттесняют их в глубь страны, иногда даже взимая арендную плату за пользование их прежними землями»¹².

Складывается впечатление, что автор, отказываясь от одних названий народов, которые возникли не на пустом месте и укоренились за последние несколько десятков лет, предпочитает другие (этнотерриториальные): «...несмотря на то, что в разговорной речи в поселке чаще встречаются термины долганцы и эвенки... я буду отдавать предпочтение существительным каменцы и хантайцы и прилагательным ка-

менские и хантайские...» (с. 25). И далее: «...запутанный узел можно распутать и связать новое полотно, в котором хантайские стали бы означать "всех живущих в Хантайском озере", а тундровики сохранили бы значение своего названия как "те, кто работает в тундре"» (с. 215). Как ни парадоксально, такие его предпочтения в принципе сходны с рекомендациями «официальных» российских этнографов: «Попытки решения любых вопросов этнического развития на национальном базисе будут лишь усугублением уже сделанных просчетов»¹³. Временами, особенно во второй половине книги, словно устав от анализа самосознания и различных типов самоидентификаций, которые чрезвычайно сложны, автор отказывается от всякого наименования «...этого народа, донельзя измученного классификаторами» (с. 215). Но, как видим, отказать совсем от классификации невозможно – это означало бы отказ от науки как способа постижения реальности.

Наиболее удалась автору глава 4 «О собственной территории». Он хорошо показал, как связь человека и земли трансформировалась под воздействием реалий советского периода, как постепенно пространство жизнедеятельности, социальных и духовных связей сужалось до пространства установленных извне границ. Те, кто живет в тундре, до сих пор сохраняют основанные на традиционных знаниях сложные взаимоотношения с землей, однако представления и о коллективной, и об индивидуальной собственности значительно изменились. Д.Дж. Андерсон связывает это с понятием национальной самоидентификации, делая вывод, что принадлежность к территории становится «полезным политическим орудием» (с. 175), позволяя развивать идею права на нее.

На наш взгляд, это самая «этнографическая» часть книги – здесь много интересных наблюдений, касающихся интерпретации полевых материалов и их сопоставления с другими регионами мира в отношении к территории, знанию ландшафта и взаимосвязи с землей. Зарубежные авторы, работающие в охотничье-собирательских обществах, до последнего времени мало учитывали сибирские этнографические данные из-за невозможности работать в Сибири в годы советской власти (редкие исключения только подтверждают правило), незнания языка, а также сложившегося мнения, что народы севера Сибири не могут быть полноценными объектами для исследования¹⁴. В последнее время в связи с открывшейся возможностью международного научного сотрудничества, знакомства с трудами коллег, пишущих по-русски, появляются новые данные, которые позволяют пересмотреть, казалось бы, устоявшиеся точки зрения¹⁵. Рецензируемая книга – не исключение.

Д.Дж. Андерсон полемизирует с М. Дэвисом, Т. Инголдом (с. 131) относительно центральной философской идеи охотников-собирателей, как она выражена в их трудах, – с концепцией о «дарящей земле». Он делает акцент на активном отношении эвенков к земле, основанном на реальных знаниях. Хотя для исследуемой темы это второстепенный вопрос, его замечание очень интересно. Судя по нашим полевым материалам и литературным данным, возможно, что отношения эвенков с землей (ее духами) еще более сложны. Само «взятие», или изъятие, природных ресурсов, возможно не только на основе «знания», но и в результате взаимного дарообмена, отношений уважения и довольно часто еще и «договора».

Архивные и литературные материалы подтверждают, что голод, а также эпидемии заставляли эвенков выходить за пределы более-менее постоянно осваиваемых территорий¹⁶. В последние годы большую роль в осознании взаимосвязи с территорией и особых прав на нее играют домашние олени. Землей наделяются те, кто ведет «традиционное хозяйство». Именно оленеводство, экстенсивный вид деятельности – постоянно возобновляемое свидетельство освоения территории, что удобно при разработке и применении соответствующих законов.

Землеустроители на Севере в советское время выполняли социальный заказ, заключающийся в выделении определенной территории для отдельного народа (этнографической группы), часто отмечая в своих отчетах сложившиеся реалии чересполосного землепользования, которые нельзя было не учитывать. По мере включения охотника в орбиту государственной политики изменялись представления коренных народов о собственной территории. Это проявилось в постсоветское время при развале колхозов и создании родовых общин. Отметим, что такие изменения происходили на протяжении всей истории колонизации Сибири, хотя именно в советские годы они были ускорены государством. Так, у эвенков представления о собственности на территорию формировались в связи с увеличением роли пушной охоты, постепенным переходом от активных методов охоты к пассивным и др. Д.Дж. Андерсон выявил разное отношение к территории у хантайских эвенков, долган и каменных эвенков, а также приезжих, объясняя это привлекательностью разных типов собственности. Однако при осуществлении государственной поддержки, «прямо или косвенно связанной с нуждами Норильского горно-металлургического комбината» (с. 37), совхоз продолжал работать.

В российской/советской этнографии «...очень мало написано о родстве как о стратегии или, конкретнее, о том, как с помощью родства эвенки строят свои взаимоотношения» (с. 178). В западной антропологии интерес к исследованию родовых отношений резко возрос именно в этом контексте¹⁷. Появление «родовых общин» в конце XX в. на Севере России заставило автора возвратиться к дискуссии о том, существовали ли роды у эвенков и сохранились ли они. Автор восстановил 16 генеалогий хантайских эвенков Утукогир и Елогир и каменных эвенков Хутукагирь и Елогогирь. Хотя в прошлом они имели общих предков, в настоящее время браков между ними практически нет. Отсюда автор делает вывод о развитии эндогамии среди этих групп, которая появилась в результате введения понятия национальности (с. 191). Д.Дж. Андерсон подчеркивает, что той реальностью, в которой люди живут и строят свои взаимоотношения, стал определенный коллектив, основанный на корпоративных принципах (и это действительно было характерно для советского времени, особенно периода совхозов). В условиях кризиса люди стали больше ориентироваться на своих ближайших родственников, о чем говорит социальный состав «родовых общин» (например, в Якутии).

Среди замечаний частного порядка следующие: Б.О. Долгих не знал с детства якутский язык (с. 89); А.Н. Липский исследовал не эвенов (с. 88), а гольдов (нанайцев) и другие тунгусо-маньчжурские народы бассейна р. Амур; этноним «саха» – не русский по происхождению, это самоназвание якутов, ставшее официальным названием народа и республики с 1992 г., и некоторых долган (с. 24, табл. 11).

Тексту явно не помешала бы правка научного редактора, поскольку в книге встречаются прямые «кальки» с английского, например: «интерагентность» (с. 136), «интенсивные и экстенсивные поселения» (с. 15 и др.), «параллельный язык» (с. 131), «рассеянное землепользование» (с. 17), «связать полотно» (с. 215) и др., а в некоторых случаях, видимо, из-за неточного перевода неясен и сам текст.

Д.Дж. Андерсон был прав, когда писал, что «...нужна какая-то временная дистанция, чтобы можно было адекватно оценить растущие националистические тенденции» (с. 217), и что без законов, регулирующих отношения между Российским государством и малочисленными народами, националистические чувства будут сохраняться. Уже прошло достаточно времени, чтобы националистическая риторика отошла на задний план, уступив место анализу причин и последствий социально-экономических перемен на Севере. В настоящее время идет активный процесс законотворчества как на федеральном, так и на региональном уровне. Нам близка мысль о том, что ошибочно исходить в разработке законов из умозрительной разделенности культуры по этническим группам. Предлагаемый подход состоит в том, чтобы объектом законодательной защиты становился не какой-то отдельно взятый народ, а этнокультурная среда¹⁸.

Замалчивание национальных проблем (как и их раздувание) ведет к возникновению серьезных локальных конфликтов. Д.Дж. Андерсон стремился объективно представить материал. Хотя методологические предпосылки и симпатии автора очевидны, он не дает «едиственно верного» ответа, в чем, возможно, сказываются постмодернистские подходы. Хотелось пожелать Д.Дж. Андерсону еще раз побывать на Таймыре, в районе своих полевых исследований. Кажется, и люди, и духи запомнили этого целеустремленного, энергичного и трудолюбивого человека, и они «позволят ему вернуться». Это было бы хорошей возможностью перепроверить свои выводы и теорию. Ученый проделал большую работу, обогатив знания и представления об одном из «национальных» поселков Таймыра, о людях, которые живут в нем и в тундре, и под новым углом зрения показал, насколько сложна и многозначна этническая реальность.

Примечания

¹ Balzer M.M. Ethnicity without power: the Siberian Khanty in Soviet Society // *Slavic Rev.* 1983. 42(2); Fondal G. Gaining Ground? Evenkis, Land and Reform in Southeastern Siberia. Boston, 1998; Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton, 1995; Humphrey C. Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge, 1983; Vitebsky P. Landscape and Culture among the Eveny: the Political Environment of Siberian Reindeer Herders Today // In Bush Base, Forest Farm: Culture, Environment and Development. L., 1992. P. 223–224; The Northern Minorities // *Post-Soviet States.* L., 1996; Wilson E. North-Eastern Sakhalin: Local Communities and the Oil Industry // School of Geography and Environmental Sciences and Center for Russian and East European Studies. Working Paper 21. Birmingham, 2000.

² Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia. Oxford, 2000.

³ В июне 2000 г. в Вене (Австрия) проходила конференция, посвященная сибирским исследованиям. С критическим анализом работы Д.Дж. Андерсона выступил лингвист Е. Хелимский, ныне работающий в Гамбурге (Германия). Тезисы доклада см.: Helimski E. On «eye witnessed» Ethnic Hostilities in the Taimyr North.

Critical remarks to the «Tundroviki» by D.G. Anderson // *Siberia and the Circumpolar North*. Conf. Vienna, Austria. June 2–4. Vienna, 2000. P. 26–27. Доклад вызвал бурную дискуссию, выплеснувшуюся в Интернет, где петербургский лингвист-северовед Н.Б. Вахтин, один из вдохновителей издания книги Д.Дж. Андерсона на русском языке, разместил свой комментарий.

⁴ Имеется специально посвященная группе хантайских эвенков статья: *Туголуков В.А.* Хантайские эвенки // *Сибирский этнографический сб.* Т. 5. М., 1963. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 84). С. 5–32. Кроме того, материалы об эвенках Таймыра содержатся в трудах российских путешественников и ученых начиная с XIX в.

⁵ *Мурашко О.А.* Ительмены и камчадалы: метаморфозы этнической идентичности // *Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография.* М., 1996. С. 358–377.

⁶ *Дьяченко В.И.* Формирование долган в процессе исторических связей тунгусов, якутов и русских // *Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории)*. СПб., 1999. С. 329–330.

⁷ *Вайниттейн С.И.* Судьба Б.О. Долгих – человека, гражданина, ученого // *Репрессированные этнографы.* М., 1999. Вып. 1. См. также: *Сирин А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Там же. В настоящее время готовится к изданию вып. 2, где будут напечатаны статьи о таких исследователях народов Сибири, как Г.М. Василевич, Е.А. Крейнович и др., которые были репрессированы в советское время.

⁸ *Гурвич И.С.* Предварительный отчет об экспедиции в бассейн р. Индигирки. 1952 // *Архив Якутского Научного Центра.* Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 236. С. 27.

⁹ См. напр.: *Дьяченко В.И.* Указ. раб.

¹⁰ *Вдовин И.С.* Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // *Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России.* Магадан, 1995. С. 80; *Головнев А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 96–151.

¹¹ *Дьяченко В.И.* Ландшафт и особенности культуры населения севера Центральной Сибири // *Этнос. Ландшафт. Культура.* СПб., 1999. С. 197–198.

¹² *Патканов С.А.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // *Зап. РГО по отд. этногр.* Т. XXXI. Вып. 1. СПб., 1906. С. 91.

¹³ *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 112. М., 1998. С. 18.

¹⁴ *Schweitzer P.P.* Silence and Other Misunderstandings // *Hunters and Gatherers in the Modern World.* New York; Oxford, 2000. P. 29–51.

¹⁵ *Ssorin-Chaikov N.* Bear Skins and Macaroni: the Social Life of Things at the Margins of a Siberian State Collective // *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Transition Societies.* Cambridge, 2000. P. 358.

¹⁶ Центральный Архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 7017. «О появлении в Охотском округе голодающих тунгусов Якутской области». 1888 г.; также см.: *Дьяченко В.И.* Указ. раб.

¹⁷ *Dividends of Kinship. Meanings and Uses of Social Relatedness.* L.; N.Y., 2000.

¹⁸ *Степанов В.В.* Необходим закон об охране этнокультурной среды // *Юридическая антропология. Закон и жизнь.* М., 2000. С. 154–171.

С.С. Савоскул, А.А. Сирин